

Тридцать, двадцать девять, двадцать восемь, двадцать семь, двадцать шесть...

Шэнь Тинюань вёл мысленный отсчёт. Ладонь, прижимавшая затылок Цянь Хуна, отчётливо ощущала, как его судорожные попытки вырваться становятся всё слабее, всё беспомощнее...

Две минуты.

Он позволит Цянь Хуну пробыть под водой ровно две минуты.

Если держать дольше, вода начнёт заполнять лёгкие, а следом наступит кислородное голодание. Считается, что после пяти минут удушья вероятность летального исхода превышает двадцать процентов. После десяти — шансов выжить практически нет.

Шэнь Тинюань не станет заходить так далеко.

Не потому что боится или не смеет. Просто... не станет.

Стоило ему вспомнить о Вэнь Цинлине — подумать о том, что его Учитель Вэнь ждёт за дверью, что его выставка ещё не окончилась, а поздно вечером они, возможно, вместе поужинают, вернуться домой и уложатся в постель... как иные исходы мгновенно теряли смысл.

Вэнь Цинлинь был для него и пламенем, и укрощающей уздой.

Ради Вэнь Цинлиня он сходил с ума — и ради него же удерживал себя на краю бездны.

Пять, четыре, три, два, один...

Отсчёт окончен. Рука Шэнь Тинюаня, крепко прижимавшая затылок Цянь Хуна, сменила нажим на резкий рывок вверх, наконец выдернув того из беспросветного, удушающего кошмара.

— Кха-а!..

Цянь Хун согнулся пополам, тяжело и с оглушительным всплеском исторгая из себя воду.

Вокруг воцарился полный хаос.

Но сейчас ему было абсолютно плевать и на грязь, и на собственное достоинство... Точнее, у него просто не осталось сил об этом думать.

Соскользнув по краю раковины, он бессильно осел на пол. Брюки насквозь промокли от выплюнутой воды.

Он походил на кучу мокрой грязи.

Лицо налилось мертвенной бледностью, пальцы и колени мелко дрожали — то ли от физиологического шока после перенесённого удушья, то ли от дикого, первобытного ужаса.

Цянь Хун был перепуган до смерти.

Впрочем, любой нормальный человек — будь он праведником или конченным мерзавцем, — пройдя через подобное, неизбежно ощутил бы тот же животный ужас перед разверзшейся бездной.

Его страх был настолько велик, что, даже зная: главный виновник его страданий стоит прямо перед ним, Цянь Хун не то что не помышлял о мести — он не смел даже поднять взгляд.

Не ощути он на собственной шкуре эту близость гибели, ни за что бы не поверил, что Шэнь Тинюань способен на такое!

«Нет, — в ужасе думал Цянь Хун. — Шэнь Тинюань не человек... Он безумец в человеческом обличье, настоящий монстр в дорогом костюме!»

Шэнь Тинюань, разумеется, не знал, о чём тот думает. Впрочем, даже если и догадывался, ему было глубоко всё равно.

Он просто обошёл Цянь Хуна, подошёл к соседней раковине, чуть наклонился и с безупречной тщательностью вымыл руки.

Словно смывал невидимую скверну.

Затем неторопливо вытащил бумажное полотенце.

Медленно и размеренно вытирая пальцы, Шэнь Тинюань остановился перед Цянь Хуном и свысока окинул его холодным, оценивающим взглядом. Пару секунд он молча созерцал это жалкое зрелище, давая утихнуть бурлившей в крови тёмной ярости.

Лишь когда затаившийся внутри зверь был снова загнан в самую глухую клетку, Шэнь Тинюань заговорил. Это было не обсуждение — ровное, сухое уведомление:

— Генеральный директор Цянь, «Шэньюй» разрывает все контракты с вашей компанией.

Официальное письмо с деталями наши сотрудники отправят в ваш профильный отдел.

К нему мгновенно вернулась привычная деловая манера — сдержанная, безукоризненно вежливая.

Однако обращение «ваша компания» прозвучало для Цянь Хуна как откровенная, издевательская насмешка.

И всё же он не посмел возразить ни словом.

Да и не хотел. Если уж быть честным, у него не было ни малейшего желания — а главное, храбрости — продолжать вести дела с Шэнь Тинюанем. Ему слишком дорога была собственная жизнь.

Вжав голову в плечи и так и не рискнув поднять взгляд, Цянь Хун лишь судорожно закивал. Кое-как поднявшись на трясущихся ногах, он, спотыкаясь и цепляясь за стены, устремился к выходу.

Когда его дрожащие пальцы уже коснулись дверной ручки, над самым ухом прозвучал тихий, натянутый, как струна, голос Шэнь Тинюаня:

— Всё, что произошло в этой комнате, останется здесь. Надеюсь, генеральный директор Цянь меня понял.

Цянь Хун понял всё слишком хорошо. От ужаса он не смог вымолвить ни звука и лишь закивал ещё сильнее, словно клевавший зерно петух.

Он, разумеется, и не подозревал, что это лишь прелюдия.

Шэнь Тинюань не намеревался спускать ему это с рук. Очень скоро он сделает так, что Цянь Хуну, даже если бы тот захотел кому-то пожаловаться, просто некому будет слушать.

И действовать Шэнь Тинюань собирался исключительно в рамках закона.

Он ни секунды не сомневался, что у человека с репутацией Цянь Хуна бизнес не может быть чистым. Раньше копать под него не было никакой нужды. Теперь же такая необходимость появилась.

И если Шэнь Тинюань брался за дело, у него хватало и связей, и возможностей, чтобы раскопать компромат, способный пустить компанию Цянь Хуна ко дну без шанса на всплытие.

Но Цянь Хун о заготовленном для него будущем пока не ведал. Дрожащими руками он наконец распахнул дверь уборной, свято веря, что вырвался на свободу.

Однако, вывалившись в коридор, он тут же столкнулся нос к носу с Вэнь Цинлинем.

Взгляды пересеклись всего на мгновение. Цянь Хун отпрянул, словно перед ним предстало нечто невыносимо жуткое, и сжался в комок. Голова его чуть не въехала в плечи.

Стараясь держаться как можно дальше от Вэнь Цинлиня, он буквально проскользнул вдоль стены и с позором удрал.

От его недавней спеси и дерзости не осталось и следа.

Вэнь Цинлинь пару секунд смотрел ему вслед, а затем не удержался от смешка. Повернувшись к выходившему из уборной Шэнь Тинюаню, он с любопытством спросил:

— Что вы с ним сделали, господин Шэнь? Перепугали до полусмерти.

Поведение Цянь Хуна действительно слегка озадачило Вэнь Цинлиня. Звукоизоляция у дверей была отличной, снаружи ничего не проникало, поэтому ему оставалось только гадать.

Впрочем, ничего чересчур жёсткого он представить не мог. В представлении Вэнь Цинлиня Шэнь Тинюань просто не был способен на открытую агрессию.

Максимум, что пришло ему в голову, — Шэнь Тинюань объявил о расторжении сделки, а Цянь Хун принялся скандалить. По идее, тот должен был выскочить разъярённым, а не поджавшим хвост, точно шелудивый пёс.

— Ничего особенного, — с невозмутимым видом отозвался Шэнь Тинюань, опустив взгляд. — Лишь уведомил, что мы разрываем сотрудничество, а заодно...

Он сделал паузу, словно подбирая нужные слова:

— Заодно предупредил: если я хоть раз услышу от него хоть одно неуважительное слово в адрес Учителя Вэня, я этого так не оставлю.

Шэнь Тинюань считал, что несколько не соврал. Он действительно высказал это предупреждение. Разве что форма подачи оказалась слегка нестандартной.

Вэнь Цинлинь не сразу нашёлся с ответом.

Он невольно представил, как Шэнь Тинюань со своим безупречным видом произносит подобное... И, честно говоря, это звучало чертовски властно и привлекательно. Именно тот тон, перед которым он никогда не мог устоять.

Вэнь Цинлинь тихо хмыкнул.

— Что-то не так? — тут же спросил Шэнь Тинюань, с трудом скрывая лёгкую тревогу. — Учитель Вэнь считает, что я поступил неправильно?

— М-м? — Вэнь Цинлинь очнулся и через пару секунд покачал головой. — Вовсе нет. Спасибо, господин Шэнь. Вы отлично всё уладили.

Заметив, что Шэнь Тинюань всё ещё пристально всматривается в его лицо, явно сомневаясь, Вэнь Цинлинь улыбнулся и прямым тоном добавил:

— Я просто подумал... Жаль, что не видел этого своими глазами. Было бы любопытно посмотреть, как именно вы его предупреждали.

Шэнь Тинюань замер.

— В самом деле? — тихо переспросил он.

— Конечно, — без колебаний подтвердил Вэнь Цинлинь. — Вы ведь обычно держитесь так подчеркнуто безупречно. Мне правда интересно, каков господин Шэнь, когда отбрасывает эту свою джентльменскую манеру.

Дыхание Шэнь Тинюаня на миг перехватило.

Он отчётливо почувствовал, как на самом дне сердца вспыхнула крошечная, тайная искра ликования.

Значит, Вэнь Цинлинь не отвергает его «неджентльменскую» сторону. Не просто не отвергает — она вызывает у него любопытство.

На одну короткую секунду это осознание едва не лишило Шэнь Тинюаня остатков рассудка. Ему безумно захотелось сбросить маску прямо здесь и сейчас.

Но это длилось лишь мгновение.

В следующую секунду к нему вернулась холодная ясность.

Вэнь Цинлинь сказал: «когда отбрасывает манеру». Иногда. Слегка.

То, к чему Вэнь Цинлинь испытывал интерес, было лишь проявлением обычного человеческого характера, а вовсе не той тёмной, искажённой сутью, что таилась внутри.

Шэнь Тинюань слишком хорошо понимал себя и не смел рисковать ради иллюзорного шанса. Он не мог, не хотел и не имел права испугать Вэнь Цинлиня.

— Но этот Цянь Хун оказался совсем никудышным, — с улыбкой заметил Вэнь Цинлинь, снова вспомнив вид убегающего бизнесмена. — Вы же только предупредили его, ничего толком не сделав, а он выскочил так, словно увидел призрака.

Шэнь Тинюань с трудом подавил вздох и коротко отозвался:

— Действительно, ничтожество.

А значит, даже помышлять о тебе не смеет.

Вэнь Цинлинь, конечно, не услышал этой несказанной фразы и непринуждённо добавил:

— Кстати, мне показалось, у него одежда и волосы были мокрыми. Он что, поскользнулся?

Другого объяснения Вэнь Цинлинь просто не находил.

— Да, — подхватил Шэнь Тинюань. — Не удержался на ногах и рухнул на пол.

Вэнь Цинлинь снова не сдержал тихого смеха.

Только сейчас он осознал, что настроение у него действительно замечательное.

Шэнь Тинюань ради него разламывал сделки. И впервые так резко заступался за него перед кем-то.

При этом Вэнь Цинлинь не ощущал никакой тяжести или чувства долга, которых опасался раньше. Напротив, незаметно для самого себя он начал принимать эту заботу и даже ожидать, что Шэнь Тинюань будет разделять с ним подобные проблемы.

Он постепенно позволял Шэнь Тинюаню становиться законным супругом не только на бумаге, но и в реальной жизни, выходя за рамки чистой физиологии.

Хорошо это было или плохо — он и сам не знал.

Но на этом мысли не остановились. Вэнь Цинлинь взглянул на Шэнь Тинюаня и заметил, как после упоминания Цянь Хуна тонкие губы того снова сжались в сухую линию, а подбородок хищно заострился.

— История с Цянь Хуном... — Вэнь Цинлинь решил спросить прямо. — Ты очень разозлился?

Шэнь Тинюань слегка замер. Повернув голову, он сдержанно переспросил:

— Учитель Вэнь считает, что мне не следовало злиться?

Это было самым прямым признанием.

Вэнь Цинлинь не ответил, но уголки его губ поползли вверх.

Шэнь Тинюань разозлился ради него. Уже во второй раз.

Первый раз случился, когда какой-то избалованный ребёнок едва не испортил его картину.

В этот момент Вэнь Цинлинь чётко понял: его отношение к Шэнь Тинюаню бесповоротно изменилось.

Раньше ему нравилось провоцировать Шэнь Тинюаня, чтобы пробить эту безупречную холодную броню, вызвать импульсивную реакцию.

Теперь же этого казалось мало.

Ему хотелось видеть больше эмоций. Гнев, страсть — что угодно. Главное, чтобы причиной этих вспышек был именно он.

И от одной этой мысли в груди сладко щемило.

Однако разум, привыкший за двадцать восемь лет к строгому самоконтролю, немедленно подал тревожный сигнал. Он настойчиво напоминал: не стоит заходить слишком далеко в своих ожиданиях от другого человека.

Вэнь Цинлинь заставил себя сохранить необходимую дистанцию и сменил тему:

— Расторжение контракта не создаст господину Шэню лишних проблем?

— Сказать, что это вообще никак не повлияет, было бы неправдой, — искренне ответил Шэнь Тинюань, без колебаний качнув головой. — Но ничего катастрофического нет. Я со всем разберусь. А проблемы, которые можно решить, сложно назвать проблемами.

Вэнь Цинлинь слегка удивился. Стоило признать, подобный подход к делам приходился ему по душе.

— И всё же причина довольно специфическая, — губы Вэнь Цинлиня изогнулись в лукавой улыбке. — Всё произошло из-за меня, а я даже не могу предложить господину Шэню достойной компенсации.

Компенсация.

Адамчик на горле Шэнь Тинюаня дёрнулся.

Вэнь Цинлинь сказал «компенсация», а не «возмещение ущерба».

Шэнь Тинюань мгновенно уловил этот тонкий подтекст — ведь в прошлый раз их «компенсацией» стала ночь, полная страсти...

Возможно, тёмной ярости, оставшейся после расправы над Цянь Хуном, требовался иной выход. А возможно, подавляемые чувства рвались наружу, требуя хоть какого-то отклика.

Так или иначе, после короткой внутренней борьбы язык Шэнь Тинюаня впервые опередил разум. С его губ слетели неожиданно двусмысленные слова:

— Если Учитель Вэнь не против... компенсацию можно принять натурой.

Вэнь Цинлинь едва заметно округлил глаза.

И сам факт того, что Шэнь Тинюань позволил себе подобную фразу, и то, с каким сдержанно-аристократичным видом он это произнёс... вызвали у Вэнь Цинлиня искреннее изумление.

А следом — волну невольного удовольствия.

Вся возведённая разумом защита в мгновение ока рухнула.

Вэнь Цинлинь прищурился, и в его глазах заплясали бесовские искры.

— Прямо сейчас? Здесь?

Взгляд Шэнь Тинюаня мгновенно потемнел.

Он не ответил сразу. Несколько секунд он молча вглядывался в лицо Вэнь Цинлиня, отчётливо читая в светлых зрачках вовсе не шутливый задор, а затаённое, манящее предвкушение.

Дыхание Шэнь Тинюаня ускорилося.

Он на миг прикрыл глаза, справляясь с подступившим порывом, и наконец произнёс с трудом удерживаемым тоном:

— Сейчас нельзя — твоя выставка ещё не окончена. И здесь тем более нельзя. Тут грязно... после Цянь Хуна.

Вэнь Цинлинь не удержался и отвернулся, пряча улыбку.

Он впервые осознал, что Шэнь Тинюань вовсе не такой уж ханжа. Отказ от близости в уборной музея был вызван не «правилами приличия», а банальным безразличным отношением к месту.

И это открытие было чертовски приятным.

В пять часов вечера художественный музей временно закрыл свои двери для посетителей.

После того как публика разошлась, помимо Вэнь Цинлиня и Шэнь Тинюаня, в здании остались Тун Нин и вся рабочая команда художника.

— Так, народ, по старой традиции! — громко и воодушевлённо объявил Тун Нин. — Обьедаемся от души за счёт Учителя Вэня! Празднуем успешное открытие!

— Ура! Опустошим кошелёк Учителя Вэня!

— Я голоден как волк, буду мести всё подряд!

— Учитель Вэнь, с успешным началом!

Сотрудники радостно подхватили клич.

Лишь Шэнь Тинюань остался стоять на месте.

Он не был ни давним другом Вэнь Цинлиня, ни членом его команды. И уж тем более понятия не имел ни о какой «старой традиции», упомянутой Тун Нином.

Вот только сегодня Шэнь Тинюань вовсе не намеревался отступать в тень.

— Учитель Вэнь, — тихо позвал он, глядя прямо на него. — Вы собираетесь на совместный ужин? Возьмёте меня с собой?

Вэнь Цинлинь повернул к нему голову.

На самом деле он с самого начала собирался взять Шэнь Тинюаня с собой — иначе не заставлял бы ждать до самого закрытия. Но из чистого озорства ему не хотелось сдаваться так просто.

Чуть замешкавшись, Вэнь Цинлинь изогнул губы в лёгкой улыбке и намеренно закинул удочку:

— Разве господин Шэнь не заметил? Этот ужин только для «своих».

Однако лицо Шэнь Тинюаня ничуть не изменилось — словно он заранее предвидел подобный ответ.

С совершенно невозмутимым видом он поднял руку и слегка потеревил висевший на груди бейдж участника. Приведя заранее заготовленный аргумент, он тихо спросил:

— Мне казалось, члены семьи тоже считаются «своими». Разве я не прав, Учитель Вэнь?

Улыбка Вэнь Цинлиня стала ещё шире, хотя тон оставался нарочито строгим:

— С натяжкой зачтено.

Шэнь Тинюань слегка улыбнулся в ответ. Сняв бейдж, он убрал его в карман пальто и серьёзно произнёс:

— Благодарю за оказанную честь, Учитель Вэнь.

Заметив его жест, Вэнь Цинлинь удивлённо спросил:

— Зачем ты его спрятал?

Шэнь Тинюань на секунду замер, затем через ткань пальто лёгким щелчком задел карточку и с

редкой для него иронией отозвался:

— Это же моё единственное доказательство того, что я здесь «свой».

Вэнь Цинлинь хотел было добавить что-то ещё, но шедший впереди Тун Нин внезапно обернулся и громко крикнул им:

— Эй, вы двое, да сколько можно! Решили закормить нас собачьим кормом, лишь бы на ужине сэкономить?!

Все вокруг дружно расхохотались.

Вэнь Цинлиню ничего не оставалось, кроме как прервать разговор и вместе с Шэнь Тинюанем направиться к выходу.

Впрочем, с этого момента все разговоры в компании так или иначе вращались вокруг их пары — вплоть до того момента, пока они не уселись за большой стол в отдельном зале ресторана.

Они выбрали ресторан азиатской кухни, где разнообразное меню позволяло угодить вкусам каждого.

Что же касается темы беседы, то, по сути, все присутствующие были глубоко шокированы двумя фактами: во-первых, Вэнь Цинлинь и Шэнь Тинюань — законные супруги, а во-вторых... Вэнь Цинлинь вообще женат!

Действительно, до сегодняшнего дня Вэнь Цинлинь ни словом не обмолвился о своём браке ни с кем из команды. А раз он молчал, Тун Нин тем более не стал распускать слухи.

И вот теперь, когда все наконец расположились за столом, кто-то из сотрудников не выдержал:

— Учитель Вэнь... а когда вы с господином Шэнем поженились?

— Не так давно, — искренне ответил Вэнь Цинлинь. — Почти два месяца назад.

Все тут же оживились:

— Так вы ещё молодожёны!

Вэнь Цинлинь улыбнулся и кивнул:

— Можно и так сказать.

Следом прилетел вполне ожидаемый вопрос:

— А почему Учитель Вэнь не угощал нас свадебными сладостями и даже не съездил в медовый месяц?

Подобное уже спрашивал Сунь Чуань, поэтому Вэнь Цинлинь ничуть не растерялся и ответил абсолютно естественным тоном:

— Спонтанный брак. Многое просто не успели сделать, так что будем восполнять постепенно.

Присутствующие изумились ещё сильнее: меньше всего Вэнь Цинлинь походил на человека, способного на скоропалительный брак.

После долгих вздохов и удивлённых возгласов народ сообразил, что, помимо главных виновников торжества, единственным посвящённым в тайну был Тун Нин. И все тут же переключились на него, надеясь выудить пикантные подробности.

С Тун Нином они, понятное дело, держались куда смелее, чем с самим Вэнь Цинлинем.

В отдельном кабинете воцарилась шумная, почти праздничная атмосфера.

Лишь Шэнь Тинюань сохранял молчание, отчего казался чужим на этом празднике жизни.

Вэнь Цинлинь чуть склонил голову в его сторону и тихо спросил:

— О чём думает господин Шэнь?

«О том, — мысленно ответил Шэнь Тинюань, — что о наших отношениях не знает почти никто».

«Ни влюблённые в тебя поклонники, ни мерзавцы с грязными помыслами, ни ценители твоего искусства... Даже твоя собственная команда была не в курсе».

«О том, что, хотя мы расписаны законно, мы всё равно похожи на тайных любовников».

Весь сегодняшний день — да и с самого момента заключения брака — Шэнь Тинюань заставлял себя принимать это положение вещей, уважая волю Вэнь Цинлиня.

В конце концов, само право быть рядом с ним, быть его законным мужем уже казалось

сбывшейся мечтой.

Разум твердил, что возможность просто сидеть здесь — уже огромная удача, и требовать большего неблагодарно. Но эмоциональная сфера...

Эмоции, подогреваемые событиями сегодняшнего дня, причинно-следственная связь которых неизменно сводилась к скрытности их брака, провоцировали глухую, давящую тоску.

И не только тоску. Куда сильнее был тёмный, властный импульс — желание жёстко и безапелляционно объявить всему миру о своих правах.

Шэнь Тинюань глубоко вздохнул и с трудом подавил этот порыв. Когда он заговорил, голос его звучал ровно:

— Ни о чём. Просто подумал... а мы действительно всё восполним?

Свадьба, подарки, медовый месяц... Всё то, что символизирует настоящую семью, — правда ли это когда-нибудь будет?

Вэнь Цинлинь не ожидал от него подобных мыслей. Он слегка удивился и тихо хмыкнул:

— Не думал, что господин Шэнь придаёт такое значение условностям.

«Дело не в условностях, — ответил про себя Шэнь Тинюань. — Дело в том, что мой партнёр — ты. И я хочу пройти через всё это именно с тобой».

Вслух же он лишь сдержанно отозвался:

— Возможно.

— Если появится время и возможность, — поразмыслив, произнёс Вэнь Цинлинь, — мы постепенно всё восполним.

В отличие от Шэнь Тинюаня, Вэнь Цинлинь никогда не верил в ритуалы. Он не считал, что формальности способны что-то гарантировать. Но если для Шэнь Тинюаня это действительно было важно, он не возражал пойти навстречу.

С этими словами Вэнь Цинлинь, пользуясь тем, что свисающая со стола скатерть скрывала их ноги, плавно опустил руку под стол и кончиком пальца задел ладонь Шэнь Тинюаня.

В этом жесте не было какого-то глубокого подтекста.

Возможно, ему просто хотелось утешить Шэнь Тинюаня, приунывшего из-за отсутствия «настоящей свадьбы». А возможно... ему просто нравилась эта тайная двусмысленность посреди шума и веселья.

В этом кролся особый, почти забытый азарт — словно в школьные годы тайком держаться за руки с любимым человеком под партой, пока вокруг бурлит класс.

Вэнь Цинлинь никогда не пробовал ничего подобного в юности, но сейчас, слушая, как резко участилось дыхание Шэнь Тинюаня, он ощущал странный вкус к игре.

Однако долго удерживать мысли в одном русле не удалось.

Сегодня настроение у него было поистине изысканным, и ему непреодолимо захотелось попробовать нечто совсем новое.

В голове закружился целый рой не самых невинных фантазий. Вэнь Цинлинь отпустил руку Шэнь Тинюаня, поднялся из-за стола и бросил через плечо:

— Выйду подышать.

Пройдя в самый конец коридора к застеклённой зоне для курения, Вэнь Цинлинь вытащил из кармана пачку, достал сигарету, сжал её губами и чиркнул зажигалкой.

Глубокая затяжка.

Никотин действительно принёс лёгкое, освежающее спокойствие.

Впрочем, длилось оно ровно до того момента, пока сигарета не истлела наполовину.

Потому что в курилку вошёл Шэнь Тинюань.

Вэнь Цинлинь чуть повернул голову, наблюдая, как Шэнь Тинюань совершенно естественным движением протянул руку и забрал сигарету прямо из его пальцев.

Поднёс к губам, затянулся и выдохнул сизый дым.

Это прозвучало как недвусмысленный призыв.

Вэнь Цинлинь поджал губы и встретился с ним взглядом.

В клубах дыма их глаза скрестились. Шэнь Тинюань так и не произнёс заготовленный вопрос: «Зачем ты трогал мои пальцы под столом?», лишь молча тонул в прозрачной глубине его глаз.

Воздух между ними стремительно раскалялся. Желание, чистое и плотное, накрыло обоих с головой.

— Едем?

— Поехали?

Они произнесли это одновременно, в один голос.

А затем оба невольно рассмеялись.

Трудно было сказать, кто первым сжал чужую ладонь, но когда они пришли в себя, их пальцы уже переплелись, а сами они почти бежали в сторону подземной парковки.

Им следовало сделать это гораздо раньше.

Ещё тогда, когда Шэнь Тинюань разобрался с Цянь Хуном; когда Вэнь Цинлинь почувствовал, как разум срывается в крутое пике; когда Шэнь Тинюань тем самым аристократичным тоном предложил расплатиться «натурой».

Они оказались в салоне «феррари» Вэнь Цинлиня. Шэнь Тинюань сел за руль и уже собрался вбить в навигатор домашний адрес, когда Вэнь Цинлинь перехватил его руку.

— Поедем к озеру? — Вэнь Цинлинь ещё не перевёл дыхание, но его глаза сияли, как сумасшедшие. — На берегу озера Хуэйху есть бамбуковая роща. Там очень тихо.

Намёк был прозрачней некуда.

Пальцы Шэнь Тинюаня замерли. Спустя секунду, не произнеся ни слова, он перенаправил навигатор: Бамбуковая роща у озера Хуэйху.

Вэнь Цинлинь удовлетворённо улыбнулся.

Обычный полчасовой маршрут Шэнь Тинюань, едва удерживаясь в рамках правил дорожного движения, преодолел меньше чем за двадцать минут.

Это была редкая, обнажённая спешка, совершенно ему не свойственная.

Впрочем, Вэнь Цинлинь не стал его подкалывать — он и сам сгорал от нетерпения.

Воздух в машине казался густым и горячим.

Наконец спортивный автомобиль замер в указанном месте.

Тёмно-синяя «феррари» укрылась в густой тени бамбуковых стеблей, сливаясь с ночной гладью озера.

Окна были плотно занижены тёмной плёнкой.

Пространство вокруг казалось бескрайним, но внутри салона создавался иллюзорный, тесный мир на двоих.

Вэнь Цинлинь повернул голову к Шэнь Тинюаню. Оба прекрасно понимали, что произойдёт дальше.

Но Вэнь Цинлинь просто не мог не поддразнить его:

— В туалете галереи было нельзя... А здесь, господин Шэнь, уже можно?

Взгляд Шэнь Тинюаня потемнел до предела. Адамчик тяжело перекатился под кожей, и он выдохнул сиплым, низким голосом:

— Перебирайся назад.

С этими словами он уже потянулся к дверной ручке, намереваясь выйти и пересесть на заднее сиденье.

Но Вэнь Цинлинь снова остановил его, сжав его запястье.

Горячая ладонь обжигала кожу.

— Нет, — упрямо произнёс Вэнь Цинлинь. — Останемся спереди.

Он прекрасно понимал, почему Шэнь Тинюань рвался назад: там было больше места, и можно было действовать привычно, со спины...

А спереди оставался только один-единственный вариант.

Встретившись с тёмным, пылающим взглядом Шэнь Тинюаня, Вэнь Цинлинь резко перемахнул через консоль.

В одно мгновение положение изменилось.

Он покинул пассажирское кресло и уселся прямоком на колени Шэнь Тинюаня — лицо к лицу, тесно прижавшись всем телом.

При таком раскладе основная нагрузка падала на Вэнь Цинлиня.

Для Шэнь Тинюаня же это стало настоящей наградой.

Впрочем, Вэнь Цинлинь именно этого и добивался.

— Господин Шэнь сегодня меня очень порадовал, — Вэнь Цинлинь медленно обнял его за шею, ладони скользнули по широкой спине. Он прошептал прямо в губы: — Поэтому я тоже хочу порадовать господина Шэня.

Шэнь Тинюань мгновенно зажмурился.

Слишком близко. Слишком откровенно.

В таком положении все эмоции, которые он так тщательно прятал в глубине глаз, неизбежно вырвутся наружу. Он не сможет их скрыть. Всё его безумие прочтут как открытую книгу.

Так нельзя.

Но не успел он придумать предлог для отступления, как ощутил, что рука Вэнь Цинлиня со спины переместилась на грудь.

Пальцы скользнули к воротнику.

Одна за другой расстёгивались пуговицы рубашки, пальцы ловко ослабили и сняли шёлковый галстук...

Галстук.

В эту самую секунду в голове Шэнь Тинюаня вспыхнула внезапная мысль.

Он открыл глаза и неожиданно произнёс:

— Но Учитель Вэнь сегодня кое в чём провинился передо мной.

Пальцы Вэнь Цинлиня замерли.

На его памяти это был первый раз, когда Шэнь Тинюань заговорил об обиде столь прямо. Чуть приподняв бровь, Вэнь Цинлинь с изумлением спросил:

— И в чём же?

Шэнь Тинюань поджал губы и произнёс низким, глухим голосом:

— Учитель Вэнь, похоже, совсем забыл то, о чём обещал мне тогда в машине.

В машине.

Вэнь Цинлинь мгновенно вспомнил тот случай, когда на выставке возникла небольшая проблема, а он ничего не рассказал Шэнь Тинюаню, отправившись вместо этого на ужин с Ван Чунем.

Тогда, в машине, Шэнь Тинюань прижал палец к его сонной артерии и тихо сказал: «Если в будущем возникнет какая-то проблема или внештатная ситуация, я хочу быть первым человеком, к которому ты обратишься за помощью».

А сегодня...

Сегодня, столкнувшись с Цянь Хуном, он снова предпочёл скрыть всё и даже попытался соврать.

Не попадись Цянь Хун в уборной, Вэнь Цинлинь, скорее всего, так ничего бы и не рассказал.

Конечно, у него имелась тысяча оправданий: привычный характер, уверенность в собственных силах, нежелание подставлять под удар чужой бизнес... Оправдание можно найти всегда.

Но...

После секунды колебаний Вэнь Цинлинь не стал оправдываться. Он не просто признал вину, а сделал это со всей возможной покорностью:

— Моя вина. Обещал — и не сдержал. Так что...

Чуть выждав, Вэнь Цинлинь подался вперёд.

Кончик его языка дразняще провёл по выпуклому кадыку Шэнь Тинюаня, а затем прямо в ухо прозвучал полушёпот:

— Так что, господин Шэнь... ты меня накажешь?

Это был не вопрос. Это была чистейшая, нескрываемая провокация.

Шэнь Тинюань не издал ни звука, но его дыхание превратилось в рваный, хриплый звук.

Последняя нить самоконтроля окончательно оборвалась. Повинуясь подсознательному порыву — то ли желая укрыть собственные горящие глаза, то ли просто поддавшись давней тёмной фантазии, — он перехватил галстук, который Вэнь Цинлинь всё ещё держал в руках.

Встретившись взглядом с Вэнь Цинлинем — с этим искушающим, дерзким, полным предвкушения и дикого азарта взором...

Шэнь Тинюань опустил веки.

Быстрым, точным движением — словно отрабатывал этот жест тысячи раз в своих самых тёмных снах — он накрыл шёлковой тканью глаза Вэнь Цинлиня.

Крепко завязав узел на затылке, Шэнь Тинюань припал к его уху.

Сквозь тонированное стекло в салон проникали лишь последние, угасающие отблески заката. В тишине машины раздавалось лишь рваное, сбитое дыхание ослеплённого Вэнь Цинлиня...

Шэнь Тинюань наконец выдохнул — чеканя каждое слово:

— Учитель Вэнь... такое наказание тебя устроит?

<http://bllate.org/book/20550/2152059>